

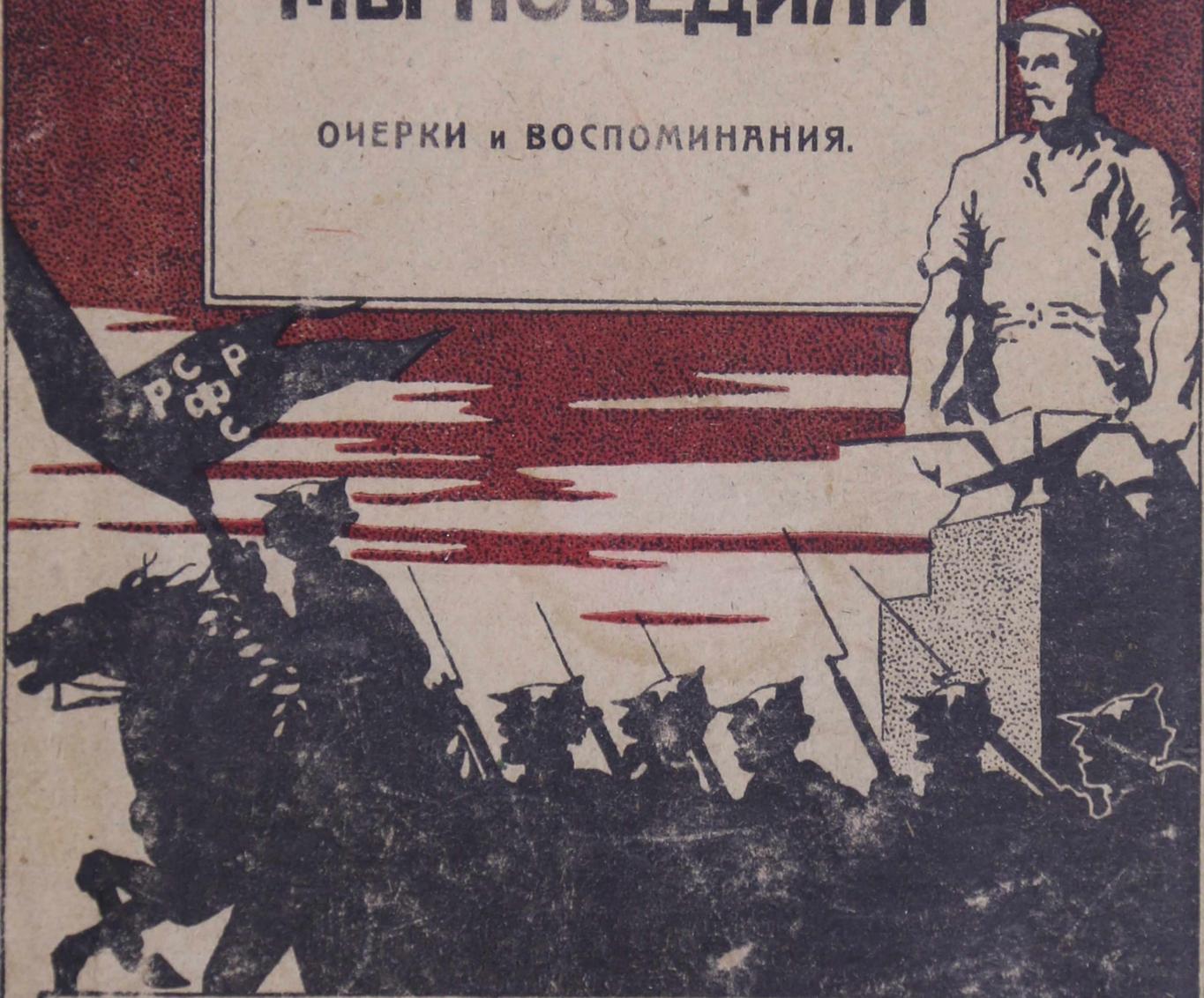
И-65

Библиотека Вып. 1.
Гражданской войны.

Я. НИКУЛИХИН

**КАК И ПОЧЕМУ
МЫ ПОБЕДИЛИ**

ОЧЕРКИ и ВОСПОМИНАНИЯ.

№Д-60 „Прибой“ Петроград-1924 г.

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь! —

Я. НИКУЛИХИН.

Г. С. С.

Н 65

**НА ФРОНТЕ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ**

(1918 – 1921 Г.Г.)

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

192.

№ 29646

Издательство П Р И Б О Й Петроград, 1923 г.

Институт
Наследия

W

Посвящаю эту книгу памяти всех многочисленных безымянных жертв белогвардейского террора и всех погибших на фронтах смелых борцов за Советскую Республику.

Автор.

I. Едем на фронт.

30-го июля 1918 г., уезжая из Москвы со Всероссийского съезда служащих в Петроград, я хорошо уже понимал ту грозную опасность, которая создавалась чехо-словацким выступлением. Дорогой я уже догадывался о необходимости партийной мобилизации; читая-же горячие призывы в „Правде“ (орган Центрального Комитета нашей партии) ко всем членам ее и трудящимся Советской России—всем, как одному человеку, встать на защиту революции, я решил идти на фронт, мобилизованным или добровольцем—безразлично.

Предположения мои оправдались. Едва я только переступил порог Торговой секции Совета Народного Хозяйства Северного района, где служил секретарем, как мне объявили, что партийным коллективом я мобилизован на фронт. Мобилизованными из коллектива оказалось несколько десятков членов партии. У всех нас были суровые, задумчивые лица. Но ни у кого не было и тени боязни за свою судьбу или недовольства мобилизацией. В Смольном (сборный пункт) наша горсть пролетариев влилась в общую массу мобилизованных коммунистов Питера. Мы все пылали классовой ненавистью к буржуазии и ее ставленникам—царским генералам. Кой-когда весело посмеемся в вагоне, делясь воспоминаниями о прошлой жизни, ведь у каждого из нас была своя интересная история. В рассказах путь от Петрограда до Москвы нам казался коротким.

В воскресный день, 3 августа, мы веселой толпой шли по улицам Москвы в Оперативный Отдел Народного Комиссариата по военным делам. Рабочие с радостью смотрели на нас, обыватели с удивлением, а некоторые из интеллигенции ехидно подмигивали на разношерстное большевистское войско. Мы же, не смущаясь ничем, шли, заботясь об одном—скорее оформить документы, штатскую одежду сменить на военное обмундирование и идти на фронт.

В Комиссариате нас, действительно, не задержали. Ибо обстоятельства были слишком серьезные. Чехо-словаки взяли Казань,

Краснов напирал на Юге. Работа по отправке мобилизованных шла спешно, хотя нас, мобилизованных, было много—не только из Питера, но из Москвы и других губерний.

Пробыли мы, кажется, всего полтора часа. Получили документы, командировочные деньги и военное обмундирование. Я попал в партию из 30 чел., которую направляли в г. Балашов, Саратовской губернии. Таким образом, мы попали не на чехо-словаков, а на донских белых казаков. Признаться, нас это особенно не обескуражило, так как многих привлекал и Юг с его огромными, ровными степями, а бороться с контр-революцией нам было все равно где. Нам об'явили, что мы отправляемся сегодня вечером с Рязанско-Казанского вокзала, до вечера же можем быть свободны. Мы решили переобмундироваться по военному и походить по Москве.

Обмундирование выдали, к несчастью, очень неуклюжее, рассчитанное на самых здоровых и крупной комплекции людей. К большинству из нас, особенно к тем, кто не был в армии, в том числе и ко мне, оно подходило, по-ходячему выражению, как „к корове седло“. Нас это несколько смущало, и мы успокаивали себя тем, что сегодня уедем, а там на фронте, в чем угодно ни явись—все равно. Громко ударяя о панель своими огромными ботинками, изредка задерживались мы кучками в 3—4 человека у трамвайных остановок. Частенько со стороны элегантно одетой публики, принимавшей нас в таком одеянии за беспартийных красноармейцев—из крестьян, задавались такие вопросы:

— Правда-ли, что чехо-словаки подходят к Москве? Говорят, уже большевики хотят бежать из Москвы. Все приготовлено, не сегодня-завтра сдадут столицу и т. д.

Мы, конечно, как могли, возражали болтливым обывателям, и такие „ожидающие“ скоро прикусывали свои языки. Зато рабочие и работницы с затаенной боязнью и ненавистью к врагам Советской власти, расспрашивали о положении дел на фронте, сообщали, сколько ушло на фронт с их фабрики, завода, как они сами не знают, что делать—оставаться ли работать, или тоже идти братья за винтовку.—Мы подбадривали друг друга и любовно, по-товарищески, прощались. После таких разговоров нас еще больше щемило сознание грозной опасности, сами мы горели нетерпением скорее лететь дальше на линию огня. Паническое настроение обывателя и скрытая радость буржуазии по поводу советских неудач, боевое настроение рабочих масс пролетарской столицы—вот та обстановка, в которой приходилось работать рабочему правительству.

Перед самым от'ездом нам удалось побывать на концерте-митинге Союза трактирных служащих, где товарищи нас чествовали и, ободряя, разжигали наш боевой пыл. В этот день мы забыли обо

всем личном—о своих родных, о невыполненных делах, о брошенном, почти-что на произвол судьбы, имуществе. Наши мысли были заняты фронтом. С таким-же чувством мы садились в вагоны на Рязанском вокзале.

Прежде всего в вагонах познакомились друг с другом. Потом затаили революционные песни,—ими наш вагон выделялся во всем поезде. Все обращали внимание, подходили, спрашивали:—что за люди?—и получали в ответ:—„едут питерские коммунисты на фронт“. Гордое „питерские“ внушало к нам особое уважение решительно в глазах всех встречных. Ибо, действительно, велика была любовь всех трудящихся к городу, в котором родилась и победила революция, где зародилась Советская власть. После нам приходилось не раз встречать на Юге со стороны рабочих и крестьян самое почтительное, даже „благоговейное“ отношение к Красной Северной столице, со стороны же буржуазии и белого офицерства лютую ненависть.

Поезд наш из Москвы отошел поздно вечером. Шел, правда, он быстро. На утро мы уже ехали по земле Рязанской губернии, где появились первые признаки близкого Юга—большое количество хлебных продуктов и фруктов на станциях, цены на которые, чем дальше мы ехали, тем становились все дешевле. После высоких питерских они были сказочно дешевы. Наголодавшись в Питере, мы начали раскошелиться во всю. Каким большим наслаждением было с'есть хлеба столько, сколько хочется. Да еще попробовать огурцов и хорошего мяса, которого мы так давно, кроме конины, не видали! Всем ехавшим особенно тяжело было переносить 1918 г., когда многим не удавалось по неделям есть хлеба, а больше питаться селедками да сухими овощами. В разговорах, песнях, за чтением захваченной с собой литературы, мы незаметно проводили свое время. Пред нашими глазами менялась картина природы. Все реже и реже попадались леса, все чаще расстилались равнины полей с большими и малыми деревушками, которые своим видом во многом отличались от наших северных деревень, особенно когда мы в'езжали в Тамбовскую губернию. Жадно дышали свежим воздухом и весело посматривали наши товарищи в открытые окна вагонов. Среди нас были такие, которые родились в Питере и все время до мобилизации прожили в нем и ни разу в своей жизни не видели такого вольного простора. Им особенно было интересно смотреть, как перед глазами открывалась иная жизнь, которую они раньше не видели и знать о ней могли только из книжек.

В своем вагоне мы только чувствовали первые впечатления.

Поэтому незаметно проходило время, хотя с Рязани мы начали витать более медленно.

Недалеко перед Козловом мы имели достаточно чувствительное переживание, можно сказать, своеобразное боевое крещение. На станции Хоботово с нами произошел такой комичный эпизод. Двое наших ребят, — один из них высокий детина, путиловец Иванов, — поссорились с красноармейцами заградительного отряда. Последние отбирали от спекулянтов мануфактуру, но квитанций никаких на отобранное не выдавали. Наши заметили это злоупотребление, начали от них требовать квитанции, те упирались и начали вдобавок еще угрожать. Это подлило масла в огонь—слово за слово, и дело дошло до револьверов. Стрельбы никакой не было, но все же обе стороны держались за револьверы—на всякий случай. Однако, один из заградительных агентов побежал к начальнику отряда заявить, что „красноармейцев из отряда бьют какие то проезжие“. Тот, ни-что же сумняшеся, задумал показать поезду свою силу. Отдал приказ своему отряду выступить в боевом порядке на платформу вокзала, окружил наш вагон, куда скрылись спорщики, и открыл стрельбу в воздух из пулемета и винтовок. Вот была потеха смотреть на всю эту картину „битвы“ с 30 питерскими коммунистами, у которых, кроме револьверов, ничего больше не было! Правда, если бы дело скоро не разрешилось, то на выручку нам думала притти группа матросов из крайнего вагона в поезде. Начальник отряда, молодой бравый парень, с серебряным черкесским кинжалом за поясом, заставил всех нас выйти из вагона и сдать оружие. Большинство сдало, меньшинство припрятало. Дальше он, держа нас под наставленными на нас винтовками своих красноармейцев, большинство которых было венгерцами из интернационального баталиона, начал об'ясняться. Он принимал нас сначала или за вооруженную группу спекулянтов, или какую-нибудь своевольную часть, которая смела запротестовать против его собственного своеволия. Но, узнав по документам питерских коммунистов, едущих на фронт, он был смущен, знал, что это так ему не пройдет, и, что-бы скрыть свой конфуз, сначала гордо, потом вежливее, с меньшим задором, выслушивал наши смелые об'яснения. Сначала он требовал от нас выдачи обоих смельчаков, в том числе и приобретшего за дорогу популярность путиловского Иванова. Мы ни под каким видом не хотели выдавать, держали их в толпе. В конце концов, гроза прошла, нам возвратили оружие, разрешили ехать, отряд убрался с платформы, а из-под вагонов начали вылезать, от стенок вокзала подниматься — перепуганные мешечники и спекулянты. Об этом безобразном своеволии отряда, — отрывке партизанщины — против чего партия наша боролась, мы довели в Козлове до сведения высших военных властей. Революционная карательная рука, несомненно, призовет к порядку не в меру ретивых хоботовских молодцов.

Нам этот случай дал повод к новым разговорам и, под впечатлением пережитого, мы провели ночь в ожидании поезда на Балашов, в страшном, для проезжающих, Козлове (в этом большом узловом жел.-дор. пункте всегда была масса проезжающих).

6-го августа, рано утром мы выехали из Козлова. Уже подвезжая к Тамбову, мы стали чувствовать близость фронта—в пути попадались военные эшелоны с частями войск, повозками, артиллерией и т. д. Дни стояли все время солнечные, и орудия на платформах своим блеском так и говорили о происходящих где-то фронтовых схватках. Приблизительно в этих местах мы начали раздавать свою литературу, которая разбиралась нарасхват.

После Тамбова пошли уже настоящие степи и многолюдные южные села. Появился и пшеничный хлеб, арбузы, баклажаны, на которые стала набрасываться наша публика, забыв ржаной хлеб, закупленный в Рязанской губернии...

А поезд все мчал и мчал нас вперед. Наконец, к вечеру мы приехали в Балашов, в нескольких десятках верст от которого уже шли бои.

Мы у цели.

II. Красновский период.

1. В Балашове. Командировка в Борисоглебск.

Балашов уже дышал жизнью прифронтowego города. Тут и там сновали красноармейцы, проезжали конные ординарцы, толкались со своим скарбом беженцы, спасающиеся от красновских белых войск. Краснов в это время был атаманом контр-революции на Дону. Пока двое уполномоченных от нашей группы ходили к тов. Подвойскому (председатель высшей военной инспекции) для переговоров о нашей судьбе, мы расположились отдохнуть на травяной площадке перед вокзалом. Здесь мы впервые выслушали рассказы о последних боях с красновцами. Особенно азартно рассказывал сидевший со своей женой бравый кавалерист, который, только на „часочек“, выполняя поручение, заехал в город повидаться со своими. Он не без хвастовства рассказывал, как часть, в которой он служит, именно отряд Киквидзе, разбила недавно белых, сколько уничтожила их, как далеко прогнала. Говорил о подвигах казачьего полковника - большевика Миронова, который был грозой для Краснова, ибо Миронову удалось привлечь на свою сторону часть казаков.

Наши посланцы не заставили себя долго ждать и минут через 20 вернулись, об'явив, что распределять нас будут завтра, а ночь мы можем переночевать на мельнице, в версте от вокзала.

Рано утром мы были уже в поезде Подвойского. Просто одетый, высокий, с серьезным сосредоточенным выражением лица, он с нами товарищески поздоровался, в кратких словах передал инструкцию— как держаться коммунисту на фронте, в заключение разбил нас на три группы. Я попал в третью группу, которая направилась в Борисоглебск.

Каждой группе Подвойский кратко обрисовал состояние района, в который она направлялась. Про наш Борисоглебский район было сказано, что поработать в нем придется много, ибо в нем формируется несколько запасных частей; сам Борисоглебск, как фронтовой город, имеет большое значение, и лучшая постановка военной и

враждебно посматривавшие друг на друга. Я решил попросить у турок разрешения говорить по телеграфу. Ревком Грузии пробовал сам сделать это, но ему не разрешили. Турки не симпатизировали батумскому Ревкому и часто смешивали грузинских коммунистов с меньшевиками, а потому и считаться с Ревкомом для них означало бы признать власть его в городе, которую они думают сами захватить. Но русских большевиков и Красную армию они уважали и боялись. Я знал об этом и решил воспользоваться своим особым положением.

Подхожу к телеграфу. Часовые-турки приняли меня сначала за солдата грузинской армии и, грозно тряхнув винтовками, приказали сойти в сторону.

— „Я русский большевик, мне нужно говорить по телеграфу, разрешите“ — довольно мягко заявил я, нащупывая почву. Сверх моих ожиданий, гляжу — аскеры-часовые (аскер-турецкий солдат) сразу-же переменили свою грозу на милость, умильная улыбочка расплылась на их лицах, они свободно пропустили меня в здание телеграфа.

На телеграфе находилось всего три человека: один уполномоченный турецким консулом для контроля, второй, приглашенный им русский телеграфист, принимавший депеши от нас из Кутаиса и Тифлиса, и один красноармеец связи 9-й дивизии. Последний на свое присутствие в телеграфе получил разрешение от самого консула, который при свидании держал себя очень любезно, заискивающе и даже пригласил в гости. Такая любезность турок укрепляла в нас уверенность в том, как они нас боятся и готовы слушаться — особенно с приходом первых боевых красных частей. После проверки мандатов, уполномоченный турок разрешил мне бесконтрольно разговаривать при помощи своего телеграфиста-красноармейца.

Нам удалось соединиться со штабом группы войск, вызвать военкома Лисовского, одного из работавших на фронте питерских коммунистов. Я передавал ему сведения о новых операциях в Батуме, о двоевластии (турок и Ревкома), об идущих подкреплениях к туркам, о спешной необходимости протолкнуть движение наших частей, которые еще все не прибыли. Запрашивал также о последних политических новостях. Никто нас при переговорах не перебил, хотя дело шло о фактических хозяевах телеграфа. Мы говорили минут 15—20, получили ряд ответов успокоительного характера.

Я ушел опять в типографию, красноармеец из связи остался ремонтировать один из главных аппаратов и подбирать разбросанные по сторонам кругляши телеграфных бумажных лент.

В типографии уже закончили печатание первого № газеты, исключительно агитационно-разъяснительного характера.

Новоиспеченная газета и воззвания быстро развозились на автомобилях и разбрасывались по улицам. Постоянно бегущая толпа солдат, рабочих и остальных граждан расхватывала большую часть их налету. Везде можно было встретить внимательно читающие и разбирающие газету кучки людей. Семя печатной пропаганды падало теперь, как на распаханную землю, и приносило свои осязательные плоды.

К 8 час. вечера пришел первый красный полк. С какой радостью, с каким томительным ожиданием встретило его население и солдаты жалких остатков Грузинской армии. Да и как не надеяться, когда от Красной армии зависело сказать, чей должен быть Батум. Кто должен в нем быть хозяином: Ревком или Уполномоченный Кемаль-Паши? Из-за этого вопроса сегодня в боевых стычках пало с обеих сторон 300 убитыми и ранеными. Борьба еще неизвестно чем бы окончилась, если бы не вошла в Батум Красная армия.

Теперь она вошла с красными знаменами, музыкой; красноармейцы были в серых шинелях, со сверкающими штыками, они проходили стройными рядами. Загорелые, привыкшие ко всему фигуры красноармейцев со стороны мирных граждан окружались ореолом героизма.

Это были не те заморенные меньшевиками, раздетые, забытые 200 пленных, взятые под Тифлисом, которых они и в Батуме водили на показ по улицам. Но, несмотря на все мучения меньшевиков, эти же пленные красноармейцы все-таки, когда встретили меня, были от души рады, проклиная меньшевиков, большинство согласилось немедленно взять вновь винтовки в руки и отстаивать на новом небольшом, необычайном фронте, Советскую власть в Батуме (не знаю сколько, кажется, рота была составлена из пленных добровольцев).

Тогда рота была для демонстрации, чтобы показать присутствие русских, теперь был уже полк, это уже внушительная боевая сила, перед которой должны уступить хотя и многочисленные, но разрозненные части меньшевиков и турок.

Таящуюся в грудях и штыках красноармейцев силу чувствовали поголовно все, чувствовали и турки. Недаром, перестрелка стала ослабевать и больше не поднималась, а 20 марта турки по приказу нашего командования уже очищали форты, радиостанцию, телеграф, милицию.

На всем пути красноармейцев к Ревкому, их приветствовала толпа, кричали в честь Красной армии ура. Временами мощными звуками неслись от них революционные песни („смело, товарищи, в ногу“ „Варшавянка“ и др.). Особенно хорошо выходило под ногу:

«Смело мы в бой пойдем
 «За власть Советов,
 «И как один умрем
 «В борьбе за это».

Эхо этих песен слушали издали в порту матросы военных и торговых кораблей Антанты, которые еще сегодня не уходили в Константинополь. Слышали красноармейское эхо и турецкие аскеры и каждый из них переживал какое-то особенное чувство загадочных предположений, симпатии к новым невиданным никогда пришельцам.

Раньше русские приходили, как враги турок и всех слабых кавказских народностей, теперь же они шли под командой коммунистов-большевиков, как друзья. Всеми сознавалась эта колоссальная разница, всеми чувствовались перерождающие веяния новых сил и дней Революции.

У Ревкома полк встретили члены его и главное командование остатков грузинской армии. Сегодня над ними командиром назначен был генерал Мазнишвили. Он происходил из простых солдат, быстро подвигался, во время войны 1914—1918 г. по лестнице назначений и из всего меньшевистского командования тогда был, кажется, самым талантливым и порядочным человеком. В момент поражения меньшевиков, он первый признал беспечность дальнейшего сопротивления и склонился на сторону Советской власти. Мазнишвили приветствовал теперь Красную армию, как дорогого гостя, откровенно каялся перед нею в грехах за прошлую борьбу против нее. Он с гордостью заявлял, что рад теперь служить Советской власти в Грузии.

Все речи покрывались могучим красноармейским ура. Я с чувством невыразимой радости смотрел на все эти картины и думал: „есть единственная в мире армия, которую уважают, на сторону которой переходят не только друзья, но и недавние враги—это Красная армия“. Здесь-же, в Батуме, как узлом пункте сложных политических отношений, она явилась авторитетной силой для всех многочисленных наций, населяющих город и окрестности.

После приветствий, опять также стройно, с революционными песнями и музыкой, провожаемые отовсюду радостными криками толпы, зашагали наши красноармейцы на ночлег.

Мне с час пришлось еще в толпе слушать всякие разговоры о Красной армии, были и небылицы, давать справки о ее подвигах, жизни в Советской России, международном положении и т. д. Слушали охотно, многие не наслушавшись на ночь, с настойчивостью и любезной гостеприимностью, приглашали к себе на квартиру для ночлега.

Я решил пойти к одному печатнику, с целью узнать у него больше сведений о последних днях меньшевиков и заполучить ба-

тумских газет за последние дни пребывания меньшевиков. В своем выборе мне не пришлось раскаиваться, ибо действительно гостеприимный хозяин был очень словоохотлив, хотя он любил понуть, часто жаловался на свою судьбу.

Из его слов я узнал, как меньшевики гордились своей непобедимостью. Они, например, неделю тому назад писали, что их армия не была еще ни разу побеждена красными, хотя все время отступала и в тот же, кажется, день сдавала Кутаис. Очень смешны были всевозможные панические слухи о фронте, которые распускала в Батуме сбегавшаяся буржуазия. Она-то в значительной степени разрушала тыл меньшевикам. Скопление большого числа беженцев, в сравнительно небольшом Батуме, повлекло за собой большой квартирный кризис, страшное вздорожание продуктов, совершенное исчезновение многих из них. Как ни старалось Правление союза торговцев призывать своих членов воздержаться от безумной наживы, сохранить благоразумие, но никто и слушать не хотел: спекуляция гуляла повсюду. Малообеспеченные беженцы, особенно чиновники и беженцы, хватили много от этого горя.

Рассказал мне один парень и о том страхе, который они переживали последние два дня, когда не знали, чей будет Батум, очень боялись национальной резни. О последнем с ужасом вспоминала его мать и сестры, несколько раз меня переспрашивали: „а не уйдет ли Красная армия, останется ли она до полного установления порядка“. Я их утешал, хотя, по правде сказать, хорошо не был уверен, что произойдет за ночь, добровольно уступят ли турки, или придется на почве владения Батумом пережить много неприятностей.

Томимый такими сомнениями, я несколько раз выходил на улицу, но всюду было спокойно, тишина теплого южного морского города не нарушалась ни единым выстрелом.

Как сегодняшняя ночь не похожа на вчерашнюю! какое магическое действие оказала сегодня Красная армия в Батуме!—думал я, засыпая.

Утром 19-го марта я отправился в редакцию, чтобы оттуда захватить комплекты меньшевистско-буржуазных и белогвардейско-иностраных газет, которыми очень интересовался. К великому удовольствию своему, таковых нашел в достаточном количестве.

Немедленно с ними направился в типографию, где должен печататься 2 номер нашей газеты (издание Ревкома Батума и Полепоарма XI). Часть материала я использовал тут же для газетных статей и новых воззваний.

Всего за 2-х дневное пребывание в Батуме мне удалось с одним батумским журналистом-коммунистом выпустить 3 номера газеты и 8 различных воззваний—листовок. Кроме того, из речей,

произнесенных мною, нужно отметить выступление перед группой офицеров, которым я излагал наши взгляды на офицерство, Красную армию, расстрелы, т. е. об'яснял самые остро-недоуменные для них вопросы.

19-го марта мне пришлось наблюдать также отчаливание в море миноносцев и пароходов, на которых уплывало меньшевистское правительство, наблюдаемое своими подданными, дававшими злые напутствия в дорогу, особенно пожелание больше в Грузию не показываться.

Я приведу часть заполненных мною отрывков разговоров по этому поводу:

— На что-ж это похоже! Говорить—большевики не придут, а они на носу, сами же министры, тягу дают.

— Зачем же они нас сорвали со своих мест, бросили на произвол судьбы, ограбили все ценности нации и бегут проживать их за границу? Можно ли было ожидать такую подлость от Жордания, Чхеидзе!

— У, сволочи, тоже политические деятели называются, а пуще всего дорожат своей шкурой, покидая граждан!

— Хороши молодчики-правители, служащих и рабочих¹⁾ бросают на берегу моря, а сами бегут со спекулянтами и капиталистами!

— К чорту все, больше верить нашим вождям нельзя! Ну что-ж, будем жить с большевиками!

— Бегут окаянные министры морем и не краснеют, благо их защищают пушки миноносцев.

— Зачем же тогда и войну затевать, бахвалиться, народ в заблуждение вводить, если так скоро позорный конец!?

— Правы большевики, поднявшие борьбу против трусов и изменников, союзников крупной буржуазии, какие заседают в нашем правительстве!

Можно было бы подобных речей привести без конца, но и этого хватит. С большим интересом я наблюдал, как люди с пеной у рта, с блестящими от ненависти глазами, напряженными бушующими нервами поднимали кулаки, грозили, проклинали, неистово выкрикивали ругательства по адресу отплывающего, при содействии иностранцев, меньшевистского правительства. Трагедия заключалась еще и в том, что эти люди несколькими месяцами, даже неделями раньше не раз аплодировали меньшевистским вождям, чуть ли не боготворили некоторых из них, а теперь в один миг вся любовь, все уважение пропало, ибо сознание получило горький удар разочарования. Да,

¹⁾ У меньшевиков в отступлении участвовала часть обманутых железнодорожных рабочих.

меньшевики своим бегством, надежно по ветру, перед своими недавними сторонниками, разведали остатки уважения и авторитета. Они обрекали себя на длительный, если не на пожизненный разрыв со своей бывшей страной. Для них родиной с этого момента становится гостеприимная буржуазная Европа, туда им и дорога.

В этот-же день стали прибывать новые воинские части, вошел с частью своей кавалерии с юго-восточной стороны т. Жлоба, в свое время много нашумевший своей отвагой в борьбе против Краснова и Деникина. Вечером приехал народный комиссар по военным делам грузинского Ревкома т. Эллиава, который еще более решительную политику повел с турками (Тов. Шейман выехал из Батума еще 18-го марта в самый разгар боя, повидимому, принял по телеграфу тоже меры к тому, чтобы мирно уладить небольшой батумский инцидент с турками). Так, что можно сказать, что с 19 марта в Батуме начала уже водворяться нормальная жизнь, при новом хозяине. Остатки Грузинской армии при помощи нашего командования приводились в порядок, частью они распускались по домам, частью из них тут же на месте формировались отряды грузинской Красной армии.

и) Из Батума обратно в Тифлис. Конец войне в Грузии.

20-го марта, утром, я выехал из Батума обратно в Тифлис вместе с освобожденными из меньшевистских тюрем грузинскими коммунистами. Поезд был битком набит народом, хотя ехали без особой тяготы, с песнями. На всем пути от Батума до самой реки Рион (90—100 верст) мы наблюдали картину обратного бегства отступавших ранее с меньшевиками граждан. Теперь они скорее старались уйти из Батума от берегов Черного моря в глубь Грузии.

Разбитые воинские части меньшевиков радостно встречали коммунистов на станциях, офицерство же имело растерянный вид. Еще более растерянный вид можно было наблюдать у членов меньшевистской партии. У них в душе горел ад трагических мыслей, сомнений, разочарований, колебаний, они были поражены быстрым и неожиданным исходом. Особенно интересно было наблюдать меньшевистского молодого агитатора—студента, который чуть ли не готов был расплакаться или кончить жизнь самоубийством от ошеломляющего исхода, идущаго вразрез со всеми их предположениями.

Почти на каждой большой станции мы устраивали во время остановок поезда коротенькие летучие митинги. Приходилось выступать всем товарищам, которые умели говорить. Больше всех досталось работы мне и старику-грузину Церцвадзе (одному из старых грузинских коммунистов). Мы оба с ним, после 5 и 6 раз

выступлений, временно лишались голоса. Пришлось заняться в вагоне разборкой захваченной в Батуме иностранной белогвардейской и меньшевистской литературы.

Нет смысла передавать содержание русской белогвардейской литературы, в которой постоянно сквозила травля Советской власти и большевизма, а в это время она еще была охвачена гипнозом Кронштадтского мятежа, кричала, что наступил уже конец „Совдепии“. В меньшевистской литературе я заметил сразу две отличительных стороны. Первая — она старательно перепечатывала из белых и наших советских газет все недостатки, всю тяжесть положения в Советской России, нашу же Советскую самокритику никогда почти не помещала, не делала даже небольших упоминаний о наших достижениях и достоинствах. Так однобоко писать может только пресса ярко-враждебная революции, преследующая одну цель травить своего соседа — Советскую Россию. Вторая сторона — почти полное отсутствие сотрудничества в печати рабоче-крестьянских масс. Даже в такой острый для себя момент, когда решается вопрос быть или не быть „демократическому“ правительству — в меньшевистской печати нет выявления героизма, самопожертвования даже преданной меньшевикам части масс. В грузинских газетах помещались только воззвания Ноя Жордания, Лоркипанидзе, Рамишвили, полные клеветы и злобы, красивых слов о защите нации, которыми нельзя увлечь массы. Только в одной газете я нашел воззвание меньшевистского Совета Профессиональных Союзов, призывающего к борьбе с большевиками за спасение нации, наряду с возванием о том-же грузинских фабрикантов и купцов. Такой трогательный союз „социалистов“ с капиталистами лучше всего раскрывает революционными рабочими и крестьянами глаза на ту защиту нации, о коей идет речь. Хотя грузины большие националисты, но этим лозунгом увлечь массы было нельзя, причем массы знали, что большевики вовсе не собираются уничтожить нацию, а только хотят, вместо власти меньшевиков, установить власть советов.

Бледность и малосодержательность меньшевистской печати как нельзя лучше показали отмирание меньшевистского строя и отсутствие поддержки ему со стороны грузинского народа. Как выгодно отличается наша Советская печать от меньшевистской в этом отношении. В критические моменты для Советской власти и Красной армии сколько зажигательного материала, призывающего массы доводами, способными поднять их на героическую борьбу! наконец, невиданным нигде коллективным сотрудничеством масс полна была Советская печать. Действительно, вместе с армией она ковала победу, являлась грозным врагом для контр-революционных сил. Меньшевистской печати не суждено было работать на победу. Ее влияние было крайне ограничено. Она большей частью публиковала сенса-

ционные известия. Так, например, ею сообщалось, что Троцкий остался в занятом кронштадтскими мятежниками Петрограде. Много очень она занималась самоуспокоением. Вот яркие образчики этому самоуспокоению и бахвальству.

28 февраля в городском театре Кутаиса учредительное собрание собралось в бодром настроении, решив до последнего конца бороться с большевиками. 4-го марта министр внутренних дел Рамишвили заявлял, что западная Грузия должна стать крепостью против большевиков. Между 4 и 15 марта выпускается меньшевистским правительством масса воззваний, где кричат о непобедимости и распространяют разнообразную клевету про Красную армию и большевиков. 15-го марта Рамишвили делал в Учредилке доклад об организации войск самообороны. Через 2 дня они бегут на иностранные пароходы в Батумском порте, видя как их собственный народ их не поддерживает. Да, действительно, их гибель была позорной и бесславной, она граничила почти с политической смертью. И, несмотря на все это, Каутский, Вандервельде и другие желтые изменнические деятели „европейского социализма“, под истерический плач меньшевистского посла Церетелли, посылали свои протестующие телеграммы против удушения Грузинского народа большевиками, тогда как он шел всецело навстречу нам и проклинал меньшевистское правительство. Когда я читал эти телеграммы протеста в белых и меньшевистских газетах, то не мог спокойно думать о всей бездне падения и фальши социал-предателей. Поистине люди ни перед чем не останавливались в своей клевете. Но клевета их бессильна была остановить борьбу рабочих и крестьян Грузии за Советскую власть, бессильна была уничтожить успехи Красной армии. Под впечатлением всяких дум, под звон и говор окружающих и звуки революционных песен, я покачивался в вагоне, полный радости от благополучного конца. Ничто теперь не мешало, не останавливало нас на пути к столице Советской Грузии, красному центру Закавказья—Тифлису. Там ожидал нас отдых и работа в мирно-нормальных условиях.

VI. Заключение.

С поражением меньшевистской власти в Грузии Черное море надежно соединилось с Каспийским, в Закавказьи прекратилось кровопролитие и Закавказье стало надежной опорой Революции. Мы уже получили вести о том, что авантюра армянских дашнакценов близка к развязке, а работа бандитских шайк в Дагестане и на северном Кавказе, с падением меньшевистского правительства, совершенно прекратилась. Впервые после революции 1917 г. на Кавказе установилось полное спокойствие; гражданская война, поднятая белогвардейцами и меньшевиками, с их разгромом—затихла. Красная армия Советской России явилась в роли всеобщего миротворца многочисленных наций и племен. Красная армия явилась сознательной революционной силой, которая пробудила трудящиеся массы Кавказа и ближнего Востока к новой жизни. Она приостановила поток кровопролития в Закавказьи, который поддерживался меньшевиками, дашнаками, муссава тистами и другими мастями соглашательских партий.

Годы и месяцы своего пребывания в Красной армии я считал счастливейшими в своей жизни.

Угнетенные и обездоленные всего мира смотрели на Красную армию с надеждой и любовью, как на свою освободительницу и защитницу. Закончив операции в Грузии совместно с повстанцами, Красная армия закончила один из славных периодов своей великой истории, она выполнила ее под руководством коммунистической партии, внутренне спаянная ее членами.

Да будет среди нас всегда жива память о славных героических подвигах великой Красной армии, она служила грозой для капитала и ее слуг, надеждой для всех угнетенных и эксплуатируемых масс мира. Где бы Красная армия ни появлялась, там спадали цепи насилия буржуазии, рабочие и крестьяне вступали в свои права, там начинали проводиться подлинные социальные реформы для освобождения человечества. Перед такой армией можно только преклоняться, заботиться о ее постоянной непобедимой мощи, всегда ею дорожить...

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

	Стр.
I. Едем на фронт	5
II. Красновский период:	
1) В Балашове. Командировка в Борисоглебск	10
2) Первоначальная работа в Борисоглебске и кое-что из истории возникновения гражданской войны	13
3) Восстание унтер-офицеров в Борисоглебске 4 октября 1918 г.	18
4) Фронт и ближайший тыл Борисоглебско-Поворинско-Новохоперского района	24
5) Захват Борисоглебска Красновцами 20-го декабря 1918 г.	36
а) бои за Борисоглебск.	—
б) какие порядки установили белые	42
в) аресты, убийства и расстрелы	44
г) поведение буржуазии и соглашательских социалистов	51
д) положение при белых рабочих, крестьян и коммунистической организации	53
е) работа партийной организации в незанятой части уезда. Борисоглебск после белых	55
6) Бои под Поворином и разложение Красновского фронта	58
III. Движение дезертиров (зеленых) весной 1919 г.	65
IV. Деникинский период:	
1) Деникин наступает	76
2) Что давала народу Советская власть и что давал Деникин	78
3) Поведение буржуазии на Деникинском фронте	86
4) Как отблагодарило крестьянство Деникина	90
5) Героическая борьба Красной армии с Деникиным	95
6) Состояние Деникинской армии и тыла	109
7) Деникин и рабочие	114
8) Деникин. Донское и кубанское казачество	116
9) Духовенство и Деникин	122
10) Печать и агитация белых.	133
V. Красная армия на Кавказе в 1920—1921 г.г.:	
1) Красная армия в Азербейджане	142
2) Красная армия в Грузии	152
а) почему Красная армия помогала повстанцам Грузии	—
б) едем в Грузию	156
в) работа и бои под Тифлисом	160
г) вступление в Тифлис	169
д) с мирной делегацией из членов Учредительного собрания	180
е) день на район—сантрединском участке фронта	187
ж) один день в тылу меньшевиков	191
з) два дня (18—19 марта) в Батуме	202
и) из Батума обратно в Тифлис. Конец войны в Грузии	214
VI. Заключение	217

64

+